

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

ЦЕНА 25 КОП.

КРОКОДИЛ

№ 14

Одиннадцатый год издания. ★ МАЙ 1932 Г. ★ МОСКВА

К. Елисеев

К.Е.
32

РАЗЛИЧНОЕ ОТНОШЕНИЕ К ПЕЙЗАЖУ

ИНТУРИСТ: — Странные люди эти советские туристы: вместо того чтобы любоваться пейзажем, они его портят.

В МЕСТО НЕКРОЛОГА

АМЕРИКАНСКИЕ и европейские репортеры в отчаянии.

— И это называется великосветской хроникой!

Отель. Миллионер. Револьвер. Неоплаченный счет... Это короли промышленности умирают, как разорившиеся лавочники. Они входят в смерть, как в универмаг, — толпами. Конвейер самоубийств. Серийное производство крахов. Стандарт некрологов.

Репортеры в отчаянии.

Газетные сенсации похожи на заказы, которые получают фильмотеки на кинофабриках:

— Отпустите 6 самоубийств, 8 пожаров, 12 банкротств.

И из длинных, гибких, пахнущих грушевой эссенцией кинолент ножницы вырезают 6 превосходных самоубийств, 8 роскошных пожаров, 12 плетительных банкротств.

Гений европейского комфорта, который чрезвычайно быстро учитывает требования рынка, подарил человечеству новое изобретение:

— Перо для миллионеров.

Это автоматическое соединение револьвера и самопишущей ручки. Этим можно застрелиться и подписать последний чек.

Репортеры в отчаянии.

Перо для миллионеров имеет массовый сбыт. Репортеру остается только стоять у турникета и пропускать сенсации, как толпу у метрополитена:

— Ллойд, Истмен, Крейгер...

Конвейер самоубийств. Серийное производство крахов. Стандарт некрологов.

Европейский репортер, стоящий у турникета, посторонился, чтобы пропустить новую сенсацию.

— Сэр Генри Детердинг, председатель английского нефтяного треста, купил «перо для миллионеров».

Еще неизвестно, какое употребление он сделает из этого усовершенствованного орудия: выстрелит себе в грудь или напишет мемуары.

Но «Наполеон нефти» разорен. Он нашел свое Ватерлоо на годовичном собрании акционеров. Его выгнали, как проворовавшегося клерка.

Репортеры заблаговременно строчат очередной некролог:

— Отель. Миллионер. Револьвер. Неоплаченный счет...

И с любопытством вытаскивают из сорной корзины маленькие счета великого человека:

— Гитлеру — 5 миллионов. Румынскому королю — 5 миллионов. Беседовскому... Генералу Миллеру...

У Детердинга была большая клиентура. Он делал «большую политику». Он торговал бензином для примусов и горючим для европейских взрывов.

Это был наш друг. Это был наш самый верный, самый нежный, самый самоотверженный друг.

Когда где-нибудь собиралась шайка международных мошенников, чтобы застенчиво пометать об интервенции, шайка неизменно находила на председателем месте сэра Генри с его знаменитой библиотекой чекочных книжек и молитвенников.

Когда робкие слова «признания» готовы были сорваться с уст целомудренной французской дипломатии по адресу СССР, сэр Генри бросал все, все дела и мчался на аэроплане в Париж, чтобы помешать совершиться козунству.

Это был друг, и теперь, когда биржевые зайцы обоих полушарий тащат всякую дрянь на еще неразрытую могилу нефтяного Прометея, мы не можем отказать себе в удовольствии проинанести надгробную речь на могиле неумершего друга.

Вот она, эта речь:

— Дорогой сэр, когда вы были еще в расцвете сил и на вершине славы, вы писали нам иногда. Вы снисходительно поучали нас уму-разуму. Вы давали нам политические советы. И всякий раз вы предсказывали близкий крах советской системы.

Мы не можем не сожалеть о вашей своевременной кончине, ибо ваши апостольские послания, сочетавшие коммерческий цинизм с божественной глупостью, были высоким образом так называемого холодного английского юмора.

«Джентльмены Советов, — писали вы «мистеру Ломову» *), — умеете ли вы играть в крокет? Или вы уничтожили эту игру, как слишком честную в принципе?»

Вы были тогда в расцвете сил и вы были развязны, сэр, вы смеялись над нами с высоты послевоенного «просперити».

«Джентльмены Советов» в возрасте от 10 до 15 лет, которые с энтузиазмом дулись в крокет на всех спортивных площадках Союза, не оценили тогда вашего юмора. Но, вероятно, и они заметили, что вы нарушили основное правило из известного руководства по крокету Спальдинга, коим безусловно воспрещается всякое плутовство в этой превосходной игре...

Вы были на вершине славы, — стоимость английского фунта равнялась тогда стоимости английского фунта, и вы самоуверенно крокировали чужой шар:

«— Разрешите мне дать вам совет. Я более сорока лет нахожусь в деле. Я был банкиром и крупным дельцом, начав с конторского мальчишки и выбравшись без чьей-либо поддержки»...

Тихим, задушевным, почти отеческим голосом вы дали нам этот краткий совет:

«— Дело подразумевает буржуазию, кредит, честность и конец отрицания капитала. Думаете ли вы, наконец, превратить это в действительность?»

Увы, сэр, мы этого не думали. Вы видите плачевные результаты этого, — они налицо. «Дело», которое обходится без «буржуазии», существует, и вы уступаете ему дорогу. Оно называется скромно:

Союз советских социалистических республик.

Вы были тогда в расцвете сил, и биржевые листки еще не печатали ваших некрологов. Грузно опершись на свой молоток от крокета, вы безразлично поучали нас, как обращаться с носовым платком на исторической арене.

«— Быть может, — морщились вы, — коммунизм и есть учение (!), но если оно основано на удержании захваченной собственности, то оно есть не что иное, как попытка силой вернуть доисторический мир» (!).

Насчет «доисторического мира» это было действительно дельное замечание: советская нефть уже тогда продавалась за границей на полпenny за галлон дешевле вашей.

Обозревая крокетную площадку, на которой шло состязание белых и красных шаров, вы с счастливой уверенностью, с веселым самодовольством предсказывали наше банкротство:

«— Через несколько месяцев Россия вернется в лоно цивилизации. Большевики будут свергнут в этом же году. Вас ждет неминуемый крах».

Вы пророк, сэр. Если вы еще не застрелились после краха вашего предприятия, разрешите вам сказать это: вы истинный пророк, сэр.

Мы выполнили нашу нефтяную пятилетку в два с половиной года. Акции вашей нефтяной компании упали примерно во столько же раз. И ваши репортеры строчат очередной некролог:

— Отель. Миллионер. Револьвер. Неоплаченный счет... С этим ничего не поделаешь, сэр: вы проиграли игру.

Мы смахиваем крокодиловую слезу над своевременной могилой нефтяного пророка.

Да будет вам пухом земля кризиса!

Пессимист.

*) «Петролеум Таймо», 9 января 1926 г.

К. Елисеев

— Лига наций закрыта на обед — пока Япония не пообедает в Китае.

В СВЯЗИ С X-ЛЕТИЕМ ЖУРНАЛА РЕДАКЦИЯ ОРГАНИЗУЕТ СПЕЦИАЛЬНЫЙ РЕЙД КРОКОДИЛЦЕВ ПО СОВЕТСКИМ УЧРЕЖДЕНИЯМ. ПОДРОБНОСТИ В СЛЕДУЮЩЕМ — ЮБИЛЕЙНОМ НОМЕРЕ

Фотокариатура Б. Клинка

Приятно иногда мне зрелище камней,
Лежащих на могилах недвижимо,
Приходят образы людей ко мне,
При жизни истинно невыносимых.
Вот, скажем, тот.. Едва ль в миру был мил
(От полицмейстера хотите что ж вы?).
Но тот, кто всех всю жизнь давил,
Придавлен сам гранитною подошвой.
Вот Прохоровых золоченый склеп...
Эй, богачи! Где ваша власть и ранги?
Стоит над вами, важен и нелеп,
Первогильдейский довоенный ангел...
Есть мертвецы... Свой переживши век,
Они в сердцах не будут стерты,
Но часто видим: ходит человек,
Ест, шьет,

а в сущности,
— он мертвый.

Я мягок, вежлив, даже тих,
Никто не скажет, что жесток и злобен,
Но вот ходячих мертвецов таких
Желаю бы окончательно угробить.
Я сам бы им отходную прочел,
Родным бы написал в Ростов

на Киев:

«Такой-то, мол, почил от дел»...
И эпитафии сложил бы я такие:

1-я эпитафия

Работою себя не иссушал,
Он не горел, не волновался в деле.
Обломова ленивая душа
Жила в его невозмутимом теле.
Был божеством его любимым «самотек»,
Он не любил ни споров и ни брани.
Увы! Перемести не мог
Он проработки в цеховом собрании.

2-я эпитафия

Прохожий! Поплачь о геросе таком!
Скорби о внезапной кончине.
Хотел он построить своим языком
Социализма твердыни!
Пусть колокольчики тут прорастут,
Как символ того,
кто безвременно сгинул.
Пусть у могилам ручки потекут
водой из речей и графина.

3-я эпитафия

Жизнь его кипела, как в огне,
Жизнь его — прекраснее феерий:
Завод хотел он строить на
лунах,
А вендиспансер — на Венере,
Имел по каждому вопросу
Оригинальнейшее предложение,
И как-то, увидав прорыв
под носом,
Погиб от головокруженья.

4-я эпитафия

Под камнем сны вкушает сон
Испытанный «руководитель»,
Его приказов гром и звон
Вы в сердце чутком сохраните.
Прохожий, испусти ты вздох
О том, кто так руководил ретиво, —
От звона фраз своих оглох
И пал под грузом своих директив он.

5-я эпитафия

Девиз такой был у него: стремиться
Не рваться в высь, а тяготеть к земле,
Хоть щипаную, но ловить синицу
И позабыть навек о журавле.
Но в жизни этой он не мог прижиться, —
И приняла его холодная земля.
Из рук он упустил синицу
И проворонил журавля.

6-я эпитафия

То, как конь запаленный, он нес,
То шагал, как усталая лошадь,
Ходил он раздетым в трескучий мороз,
А в засуху появлялся в калошах.
Бряцал он оружием перед сраженьем,
В бою же имел снисходительный нрав.
Он пал, испугавшись собственной тени,
Ее за чудовищ ужасных приняв.

7-я эпитафия

Боялся трудностей. Не мыслал о победе.
Страдал, дрожал, был тараканом с'еден.

Читатель мой, смотри, не прослезись там
О мертведах, нашедших здесь «приют».
И крепче бей по тем
оппортунистам,
Которые еще живут.

Р. Роман.

НОСКЕ

ГИТЛЕР

ДИЮСТЕРБЕРГ

ПРЕЛАТ КААС

ОБЫКНОВЕННЫЙ АЗИНУС

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ: — У нас один хозяин, а какое у него лицо нас мало интересует.

В ХОРЕ УЧАСТВУЮТ (слева направо): первый ряд — Вагнер, Лист, Шопен, Григ, Бетховен, Шуберт, Бах. Второй ряд — Чайковский, Римский - Корсаков.

У РОЯЛЯ — ДАВИДЕНКО.

РАЙФИНКОМПОЗИТОР

ШАРОБОШКИН. Начнем, пожалуй, с него. Шаробошкин прославился некоторыми особенными черточками. В качестве заведующего районным финансовым отделом в Вожеге, Северного края, Шаробошкин составил сводку по выполнению финансового плана за первый квартал 1932 года. Думается, что другой такой сводки нигде в СССР больше не увидишь.

Графа — «твердые задания» — черточка.
Графа — «выполнение по твердым заданиям» — черточка.
Графа — «культсбор с кулацких и зажиточных хозяйств» — черточка.
Графа — «самообложение с кулацко-зжиточных хозяйств» — черточка.
Графа — «окладное страхование» — черточка.
Ни одной цифры. Ни копейки. Сводка смонтирована лишь из миниатюрных, ласковых черточек.

Нет, — это не сухая финансовая ведомость. Это — мировоззрение, переданное на музыку. Это — ноты. Сумма черточек — симфония вожегодского райфинкомполитора Шаробошкина. Опортунистическая симфония в защиту кулака.

Черточки вырастают в линию. Тянется она далеко назад — к осени прошлого года.

До апреля сего года, начиная с августа прошлого года, налоговая комиссия Вожегодского райо-

на не выявила, не обложила ни одного кулака. «За неимением таковых».

Свыше восьми месяцев! Была ли за это время кулацкая агитация за развал колхозов? Была. Пытались ли в некоторых селах растащить коров из МТФ и развалить колхозные стада? Пытались. Хотели кулаки сорвать лесозаготовку? Хотели.

Это не наши кулаки. Приходили из соседнего района.

Ох, этот злобастый, во всем повинный «соседний район»!

Клюквы в районе или, скажем, лисиц, — сколько угодно. Что касается кулацких агитаторов, — их «нет в районе, они проникают извне».

Но на местах деревенские партийные ячейки и колхозники ставят вопрос по-иному.

Возьмем, к примеру, случай с Афанасием Опашинным.

До революции был Опашин богат и славен, почти как пушкинский Кочубей. О богатстве Кочубея сказано в стихах. На Опашина стихов тратить не следует. Тем более, что и сам он довольствовался прозой. А проза эта заключалась в следующем:

— 150 десятин леса. 30 десятин сенокоса. 20 десятин пашни. Промышленное предприятие — заготовка и разделка шпала. Стадо коров.

Так жил-поживал Афанасий Опашин до революции. Да что там — до! Посмотрите, что было после. Ведь и после революции, вплоть до 1931 года, Опашин благополучно пользовался тридцатью секторами сенокоса, имея наемную рабочую силу. А в 1931 году он был торжественно принят в колхоз. При чем Опашин перед вступлением в колхоз предупредительно зарезал своего племенного быка.

Приняло его нежное правление, убеждая колхозников:

— Ничего, ребята, Афанасий Константинович — человек свойский. Добрый человек. Вреда не принесет.

Только недавно, когда Опашин окончательно распоясался, общее собрание колхозников постановило:

— Вышвырнуть этого «доброго человека» подальше от колхозных ворот...

Один ли Опашин в районе? Мы могли бы привести еще десяток таких фактов.

А Шаробошкин сидит в райфинотделе, председательствует в налоговой комиссии и, потев от усердия, ставит свои черточки.

До каких же пор он будет продолжать свою музыку?

Г. Рыжков.

КАК вы не помните Цацкина? То-го самого знаменитого Цацкина, который заполнял все газеты объявлениями:

Спешите! За 3 рубля 15 копеек высылаем золотые часы (нового золота), кольцо с бриллиантами (как настоящие), бумажник из крокодиловой кожи (чудная имитация) и еще 75 необходимых и полезных предметов.

в число которых входила обычная коробка спичек (50 предметов) и 25 зубочисток.

Цацкин входил во всякую квартиру неотразимо, как микроб гриппа, и шептал, «учитывая психологию»:

— Гражданин, что может быть лучше свободы в наше мрачное время? Купите бритву «Жилет», — она освободит вас от тирании парикмахера.

Если «свобода» не проходила, Цацкин бил на мораль:

— Самое главное в наш век — это чистота нравов. А какая может быть чистота нравов, если у вас сползают штаны? Вот вам наилучшие, эластические резиновые подтяжки «Чистые нравы» — полная гарантия.

Если вы были равнодушны к предрассудкам о сползании штанов, Цацкин немедленно менял фронт и совал вам альбом «парижских красавиц». Не действовали «красавицы», — у Цацкина был в запасе за гроши — «почти серебряный чайник».

Так или иначе, но легче было спастись от африканского льва в пустыне, чем от Цацкина в собственной квартире. Ибо Цацкин был полпредом жульнической довоенной коммерции, и мелкие аферы Цацкина обозначали для него в перспективе крупный размах, деньги, чин коммерции советника и почетное гражданство Российской империи.

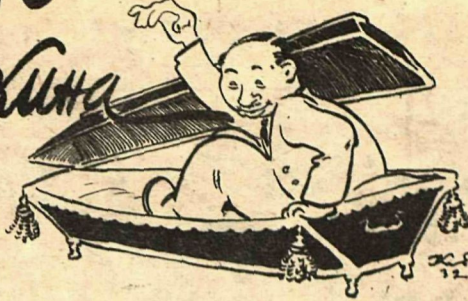
Цацкин, казалось, умер, и на могиле его можно было бы поставить памятник «неизвестному коммерсанту и мануфактур советнику».

Но, повидимому, слухи о смерти этого предпримчивого персонажа несколько преувеличены.

Иногда Цацкин встает из гроба, одевает роговые очки, берет ответственный портфель и отправляется на службу в наши кооперативы и торги.

В этих случаях его именуют торговым агентом, в просторечии — ответственным «доставалой». Доставала рыщет целый день по городу и его

Привет от Цацкина

Рисунки К. Елисева

Фельетон Бен-Гали

окрестностям и занимается «самозаготовками». В московском ЗРК «Красный пролетарий» он, например, отплысывал разухабистый гопак над директивами о самозаготовках.

Ответственный доставала «Красного пролетария» заглядывает в снабженческие и торгующие организации. Выбрав жертву, доставала ответственно входит, оглушая директора торгового киша спрарков и удостоверений, и говорит:

— Товарищ, я представитель завода «Красный пролетарий». Нашим рабочим нужно масло, нужна мука, необходим сахар.

Директор уважает права пролетариата. Он считает, что рабочие «Красного пролетария» действительно имеют все права на масло, муку и сахар, и симпатично пишет резолюцию «отпустить».

Но в аккурат в этот самый момент другой доставала сидит уже в ЗРК «Красного пролетария» и шепчет:

— Даю шерсть — беру кислоту. Даю соленые грибы — беру масло. Даю горчицу — беру сахар!

Плановик из ЗРК «Красного пролетария» с головой, набитой кислой шерстью, прикидывает на счетах и подсчитывает, что для баланса выгодней продавать оптом на сторону, чем в розницу своим рабочим. Масло, мука, сахар уходят из ЗРК, а соленые грибы остаются лежать в нем до окончания своего грибного века.

В Казани разносятся слухи: «Плодоовощное единение» продает сахар по 64 коп. кило. Доставала из кооперативов объявляет эстафету на сахар. Военный кооператив успевает достать сахар раньше всех.

Но по дороге доставала из военного кооператива догоняет запыхавшийся доставала из ЗРК Вахитова и «отнимает» у него сахар по 68 коп. кило. Соседний доставала делает засаду и, сбив несущегося, как вихрь, вахитовского доставала, сует ему в зубы чек на 78 коп. кило и выхватывает сахар.

Сахар делается мифом, легендой. Он кочует из кооператива в кооператив. Он существует только в кооперативных записях. Он уже не сахар по существу. Он — «летучий голландец», кочующий потомок Чингис-Хана. Цена на него бурно растет, а потребитель его не видит.

Головогояк же на Казанского татсоюза бурно потирает руки от радости:

— Ура! Баланс в порядке! Да здравствует цацкинизм!

Ответственный доставала из Нижегородского ГОРТ отправляется на Украину за вареньем.

— Интересно вареньем. Цена значения не имеет.

Украинские кооператоры почесывают холку и заламывают, по случаю бурного спроса на варенье, неслыханную цену — 8 рублей за кило, вместо обычных трех. Нижегородский доставала засучивает рукава и немедленно выписывает чек. Тонны варенья плывут в Нижний и киснут, так как никто по такой цене варенья покупать не желает.

Обуреваемый жаждой деятельности, доставала из Бежидского ГОРТ привозит в Бежиду запасец пальто для 16-летних подростков, достаточный для населения небольшой страны, вроде Норвегии. Плановые Цацкины в Бежидском ГОРТ полагают, повидимому, что рабочий класс в Бежиде целиком состоит из 16-летних подростков. Пальто упорно лежит в затоваренном виде.

Гортовникам делается скучно смотреть на эти залежи пальто. Доставала делает новый рейд в соседний промысловый союз и закупает несколько тысяч кубометров дубовых шкафов. Шкафы при ближайшем рассмотрении оказываются не дубовыми шкафами, а простыми фанерными ящиками.

Тем не менее, ящики лежат в магазинах ГОРТ так прочно и неизменно, как будто они сделаны действительно из самого тяжелого, мореного дуба.

Доставала из восточносибирской конторы ГОРТ едет на Северный Кавказ и закупает там целые Казбеки неотделанной мебели. Мебель везут в вагонах через весь СССР и сваливают на месте в кучу, так как ее необходимо предварительно отдать в переделку на фабрику.

ГОРТ Восточной Сибири торопится выравнять положение, обеспечить себя рентабельным, ходовым товаром. ГОРТ рассылает во все пункты республики сверхординарных доставал, и последние привозят в срочном порядке на 40 тысяч рублей... деревянных плечиков для костюмов.

Цель достигнута! Трудящиеся Восточной Сибири обеспечены плечиками до конца второй пятилетки.

На Нижегородском вокзале стучаются лбами двое доставал.

Выругавшись, как полагается, доставала усаживаются совместно в поезд и, разложив багаж, заводят профессиональный разговор:

— Вы куда? — интересуется доставала из Нижегородского промышленного союза.

— Да я еду, знаете, за деревянными ложками. У нас в столовой нет ни одной деревянной ложки. — вдыхает доставала из Нижегородского ЦРК.

У промышленного коллеги застревает в горле кусок колбасы. Он едет с не менее срочным заданием: продать деревянные ложки, которые в Нижегородском кооперативном промышленном союзе за-

... Трудящиеся Восточной Сибири обеспечены плечиками...

готовлены в количестве нескольких миллионов штук.

Результаты такого рода бурной «деятельности» — самые мрачные: затоваривание, вздутые спекулятивные цены, никому ненужные комиссионные расходы, загрузка транспорта, задержка оборота.

В одном только Самарском крайпотребсоюзе лежат затоваренными промтоварами на 8 миллионов рублей. В «Белгандле» больше года лежит на 10 тысяч рублей остродефицитная резина. В Москве 75 процентов самозаготовок идут за счет вращения доставал вокруг соседних магазинов, перетаскивания товаров из одного магазина в другой и, следовательно, переливания из пустого в порожнее.

Кому это надо?

Запретить вход в кооперацию прохождению Цацкину — неотъемлемому комиссионеру, надувалу и «коммерции советнику» в перспективе.

Бен-Гали

... Иногда Цацкин встает из гроба и идет на службу...

КОРОЛИ ВОЗДУХА

Ю. Ганф

Очковиратели из «Экспортлеса» в Сталинграде давали ложные сведения о выполнении производственной программы.

А. Топиков

МУЩИНЕРА Николая Аскольдовича лично я никогда не считал выдающейся интеллектуальной силой. За последние 10 лет Н. А. Мушнер последовательно был: владельцем галантерейного магазина, представителем Московской конторы олонечского отделения Московского вигоневского треста и членом кустарной артели по выработке монограмм для калош. Но, очевидно, Мушнеру никогда не было чуждо чувство изящного, ибо брюки его постоянно отличались четко выраженной складкой, а в рассуждении потребляемого им вежталы он мог бы создать кризис указанной деликатной жидкости даже в городе областного масштаба. Быть может, это не умиравшая в Мушнере жилка (имею в виду стремление к изящному) под влиянием каких-нибудь неизвестных нам причин внезапно набухла, как река в половодье, и вдруг обратила Мушнера в мощную культурную единицу.

Короче говоря, встретившись случайно с Мушнером на улице, я заметил, что Мушнер пристально вглядывается мне в подмышку. Тут надо сказать, что помянутый укромный уголок моего тела в данный момент служил хранилищем приобретенного мною у букиниста томика австрийского юмориста Сафира (грешный человек: я люблю почитать автора, у которого можно попользоваться без особенной опасности быть пойманным).

Не отводя глаз, Мушнер протянул ко мне в подмышку еще и руку.

— Вы разрешите? — сказал он.

— Пожалуйста, — ответил я, передавая ему книгу. — Я и не знал, что вы интересуетесь книгами.

— Ого! Еще как! — Мушнер взял книжку пощупал ее, посмотрел на титульный лист и разочарованно возвратил ее мне: „Не очень интересная книга“.

— Вы находите? А я, признаться, люблю Сафира. Его надо считать создателем современной юмористической новеллы. Сафир — предтеча Марка Твена. Правда, он сильно теряет при переводе на другой язык, но...

Мушнер перебил меня, мечтательно улыбаясь:

— Вот у меня есть книжечки, так это да! Например, у меня есть два тома воспоминаний одного артиста — фамилию его я забыл — „Выпивон и закусон в мирное время“. Потом еще есть две книги — тоже заглавие позабыл, — но похабщины в них — уйма! Потом еще одна, как-то она называется — „Арабские штучки“ или что-то в этом роде.

— Позвольте, — сказал я, — по какому же принципу вы собираете книги? Непонятно. Правда, у меня был один знакомый, который — такой чудак! — собирал книги авторов, носящих двойную фамилию. Скажем, предлагают ему Пушкина, а он говорит: „Не беру! Мусина-Пушкина — давайте, а просто Пушкин — для меня не вещь“. Из классиков у него были только Салтыков-Щедрин, Сухово-Кобылин да еще Гоголь, потому что он — Яновский. Ну, конечно, Немировичи-Данченки. Помните, этот оригинал плакался, что Голенищев-Кутузов-Смоленский ничего не писал. С такой, говорит, фамилией не писать — прямо разврат!

Мушнер снова прервал меня с улыбкой просто сладострастной. Он прошептал:

— А лучшая книга в моем собрании — „Расписание поездов Курской дороги на 1907 г.“...

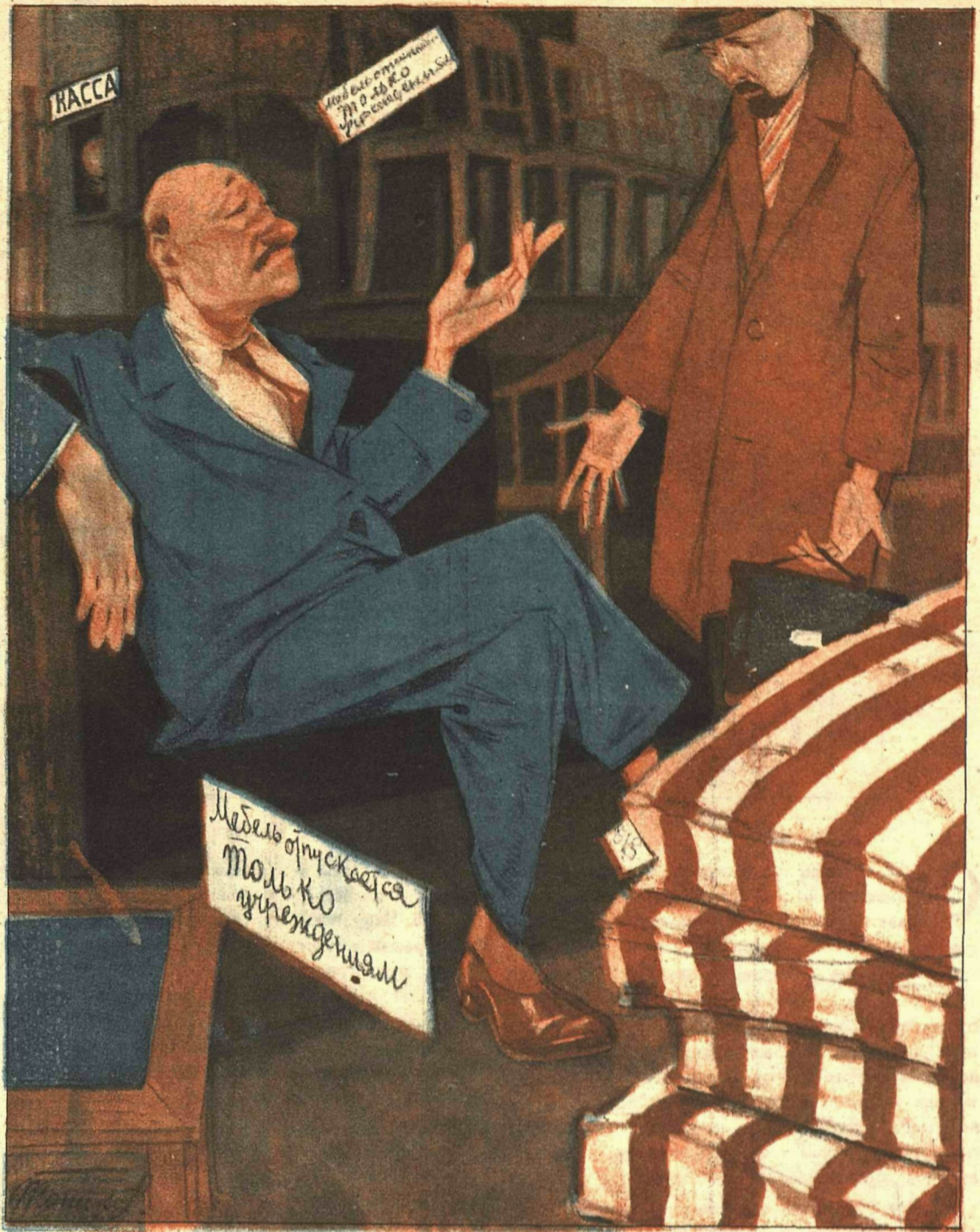
Я очень удивился.

— Помилуйте! Да какой смысл имеет такая книга?!

— У нее не смысл, — благоговейно журчал Мушнер, — у нее — переплет. Если бы вы видели переплет! Понимаете, — свиная кожа с золотым тиснением и гербы Московской, Тульской, Орловской и Курской губерний. Это был экземпляр начальника дороги.

— Позвольте! Да разве вы книгу цените по переплету?!

— Когда как, — солидно отозвался Мушнер, — когда — по переплету, а когда по супер-обложке. Вот сейчас, говорят, в издательстве „Академия“ выходит книжечка: переплет из гобелена, а супер-обложка из драдедама. Кра-

— Что за безобразие! Хожу весь день и не могу купить простого стула. Сидеть не на чем.

— А вы на службе посидите!

сота! Чисто дефицитные материалы. В лепешку расшибусь, а уж добуду!

— Да о чем эта книга? Кто автор?

— А не все ли равно? Что вы пустяки спрашиваете? Издания „Академии“ я все покупаю. И не я один. Все мои знакомые так!

— Зачем же?!

Мушнер сразу стал серьезным, поднял вверх палец и, выражая сокровенную мысль всех своих друзей и свою, сказал:

— Как зачем? Эти книги приятно иметь.

С Мушнером я вскоре расстался. А перед тем, как расстаться с читателями, я хочу внести предложение издательству „Академия“: нельзя ли помимо обычного тиража каждой книги выпускать еще и некоторое количество переплетов этого издания? Просто переплетов. Пусть они будут прикрыты красивыми супер-обложками, можно их украсить еще какими-нибудь замечательными „суб-обложками“, можно даже придумать еще и сногшибательные „интра-обложки“, но самой книги — текста — в них не вкладывать. Тогда Мушнеры всех сортов станут раскупать эти игрушки, а действительным читателям останется целиком весь тираж книги, что, с моей точки зрения, гораздо целесообразнее.

Товарищи из „Академии“, подумайте об этом!

В. Ардов.

БЕГЛЫЙ ОГОНЬ

ПРАВИЛЬНЫЙ ПОДХОД

Транспортный сектор НКТП дал разнорядку заводу «Котлотурбина» на срочную отгрузку танко-паровозов для сверхударных строек. Зам. упр. «Котлотурбина» т. Завалин потребовал подписи т. Руцкого недавно умершего. Отгрузка паровозов задержалась на несколько дней.

— Невыполнимая задача:

Он умер 30 дней назад!..

— Давайте подпись мне тем паче,

Я тоже — мертвый бюрократ!

„БЫТЬ БЫЧКУ НА ВЕРЕВОЧКЕ“

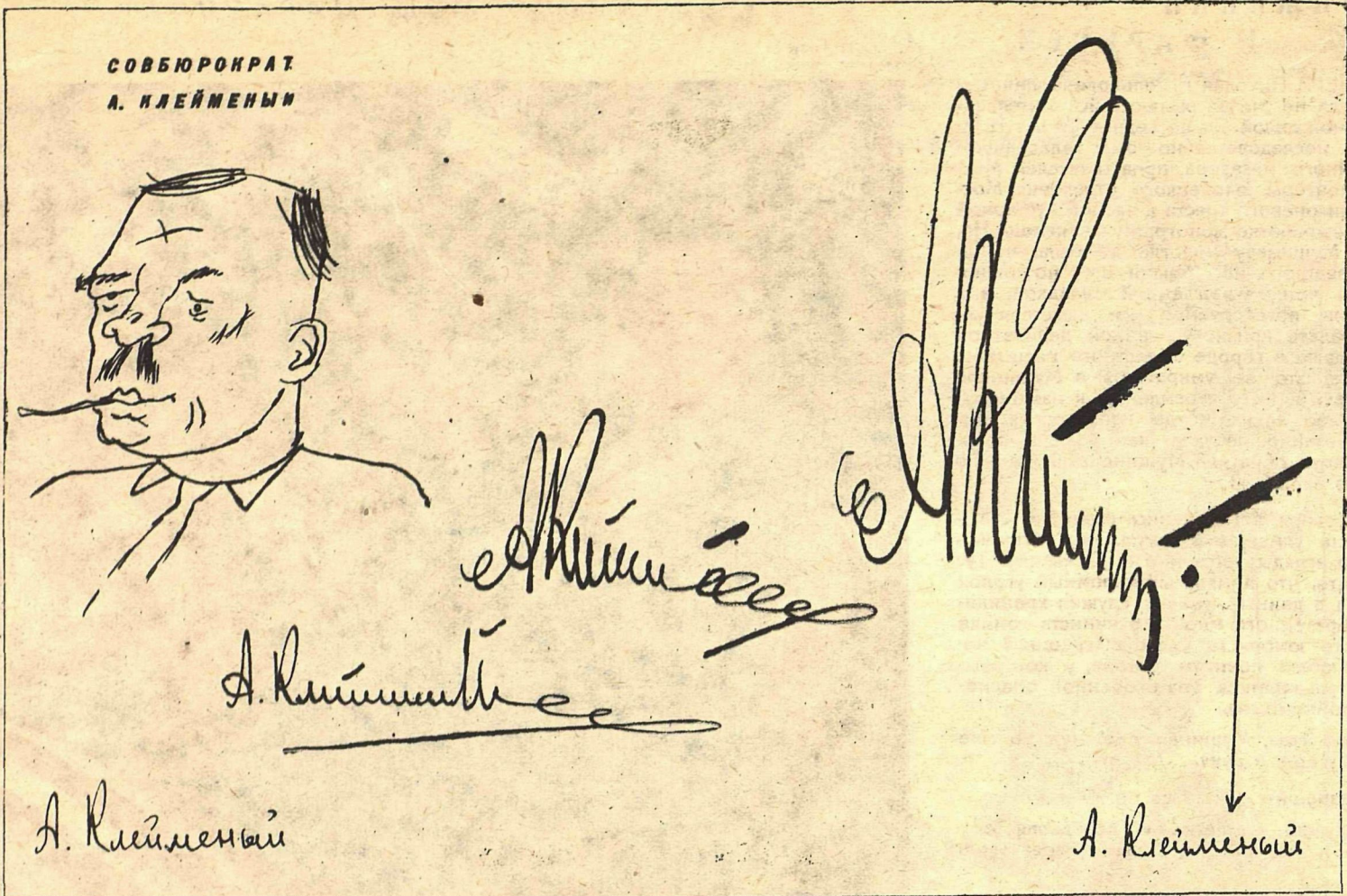
Горийский Закконсервтрест (Тифлис) выпустил в продажу растительное мясо. На банках в виде эмблемы — голова быка с цветочками, в банках — горох с травой.

Вот торгашеский обихай:

Рви, покуда не влетит...

Под фигурой чисто бычьей

Чисто... свинский аппетит!

ПЫТКА РОСКОШЬЮ

СТОИТ только недоуметь за каким-нибудь незначительным явлением жизни, как оно сразу превращается в проблему, и уже в качестве таковой начинает волновать умы.

Так родилась проблема бритья и стрижки. Встарину человечество уделяло непомерно много внимания борьбе с лысиной. В газетных объявлениях главное место обычно занимала радостная исповедь пехотного майора французской службы господина Адольфа Шантажу о том, как он, пехотный майор, натирая свою лысую, как детский горшок, голову пастой «Анти-Лысотикон», в два дня добился поразительных результатов.

На его голове со свистом и грохотом выросла густая и красивая шевелюра.

Счастливая судьба несуществующего в природе господина Шантажу вызвала суматоху среди лысых. И они тоже втирали в свои плечи различные «Анти-Лысотиконы», «Выростатели» и прочие волшебные средства, рекомендованные капитанами и тамбур-мажорами преимущественно французской службы. В общем, все хотели быть волосатыми.

Сейчас парикмахерская проблема повернулась другой стороной.

Граждане хотят избавиться от своих волос. И это почти так же трудно, как вырастить их на голом месте по способу Адольфа Шантажу.

Московские парикмахерские превратились в читальни. Где-то в глубине салона, перед голубоватым зеркалом, трудится мастер в полубелом фельдшерском халате. Но его почти не видно. Он затерт толпой ожидающих клиентов. Самые молодые и неопытные коротают время, перечитывая по двадцать раз единственный номер детского журнала «Козыбка», который от частого употребления готов рассыпаться в порошок. Тоскливо шевеля губами, они моментально заучивают наизусть слова задушевного детского стишка:

*Толя, Коля и Машутка
Закричали: «Вот так шутка!
После разных неудач
Стал папаша наш избач.
Динь-бом,
Динь-динь-бом
Свет несет в деревню он».*

Совсем не так поступает опытный клиент. Опытному клиенту точно известно, сколько часов при-

дется прождать в парикмахерской очереди. Потому он и является с соответствующей по тону книге. Чаще всего это бывает «Граф Монте-Кристо», роман в шести частях с прологом и с эпилогами, или современная эпохальная трилогия в шестьсот страниц текста и вступительной статьей, отмечающей ошибки автора. Этого хватает в обрез. Приглашение мастера занять место совпадает с благополучной концовкой романа.

Но тут начинается новое мученье — пытка роскошью.

— Голову рекомендую мыть хной, — тихо говорит мастер.

Клиент бросает косой взгляд на прейскурант (мыть головы хной — 2 р. 50 к.) и начинает врать, что он недавно был в бане.

— Перхоти много, — угрожающе говорит мастер, — можем помоем «Пиксапо»?

Но клиент отказывается и от «Пиксапо» (1 р. 50 к.). Тогда на лице мастера появляется выражение, которое надо понимать так: «Что ж, а-ля-гер, ком а-ля-гер, — на войне, как на войне. Бывают раненые, бывают убитые».

Вслед за сим обездоленный мастер начинает бриться, стараясь вместе с волосатыми покровами снять также и кожные.

Уже в середине операции клиент сознает, какую губительную ошибку он совершил, и говорит дрожащим голосом:

— А может быть, в самом деле помоем голову «Пиксапо»?

— Помоем хной, — сурово отвечает мастер.

Клиент готов на все. И пытка роскошью начинается. Клиенту моют голову дорогой персидской жижей и сушат волосы электрической машинкой, потом снова поливают, на этот раз хинной водой, и снова сушат салфеткой. Дальше в ход идут бриолин, горячий компресс на щеки, сухой пресс на голову, одеколон «Сирень», цветочная вода Фармазавода № 8, причисывание бровей специальной щеточкой и, сверх прейскуранта, насильственное выщипывание волос из носа и из ушей хирургическими клещами.

Счет достигает пяти рублей, и когда клиент направляется к двери, шатаясь от горя, его нежданно по спине бьет венником швейцар с преданными и льстивыми, как у сеттера, глазами. Он от-

бирает последние, припасенные на трамвай десять копеек и по старинному обычаю низко кланяется. Домой страдалец идет пешком, бессмысленно лепечет: «Динь-бом, динь-динь-бом» и размышляет о самовласти парикмахеров.

Самовластие это безгранично. В поселке Клязьма, под Москвой, есть парикмахерская, где под обыкновенным кличем: «Одеколон — не роскошь, а гигиеническое средство» висит сообщение хозяина:

**КРЕПКИЕ, ЖЕСТКИЕ ГОЛОВЫ И БОРОДЫ
Я НЕ БРЕЮ.**

А так как на Клязьме скопилось много зимогоров с крепкими и жесткими головами и бородами, то бриться они ездят поездом в Пушкино, где их подвергают пытке роскошью.

В Надеждинске на 70.000 рабочего населения есть только три парикмахерские. Проблема бритья и стрижки достигла там предельной остроты. Если бы Большой театр решил вдруг выехать в Надеждинск на гастроли, особенным успехом пользовался бы там «Севильский цирюльник», а то место, где Фигаро без всякой очереди бреет Бартоло, несомненно вызвало бы громовые аплодисменты, бурю рукоплесканий, овацию.

Раньше, когда человек вдруг начинал обращивать бороду, было ясно, что это киноактер, готовящийся сниматься в роли опричника в фильме «Приключения Иоанна Грозного». Теперь свежая и длинная борода показывает, что собственник ее устал бороться с парикмахерскими очередями, что ему надоело читать «Графа Монте-Кристо» и что, наконец, ему немогут посвящать своему подбородку выходные дни, мудро предназначенные для отдыха.

Нужно торопиться.

Надо либо пригласить в консультанты легендарного майора Адольфа Шантажу, мастера на все руки, который, вероятно, имеет в запасе какой-нибудь «Анти-Волосатик», вызывающий молниеносную потерю волос, либо отереть много хороших парикмахерских (без пытки роскошью), каковы таким образом разросшаяся проблема бритья и стрижки и свести ее до размеров обыкновенного шведского яблочка. Ф. Толстойский.

„ПОДАРОК ОКТЯБРЮ“

ХАЛТУРА хитро твист ланы,
Я не напрасно говорю:
Литературные араны
Готовят пьесы к Октябрю.

I
«Она — упорная мецанка.
Он — обыватель с давних пор.
Кастрюля, примус и локанка —
Таков их жалкий круговор.»

Вдруг годовщиной пахнуть стало,
Пришла торжественные дни,
Клоны подошл, герань завяла,
И размещались они».

II
«Хоть их сердца пылали жаром,
Неподходящим был момент.
Она, к несчастью, — пролетарка,
А он — гнилой интеллигент.»

Но вдруг пропала чертовщина,
Свет засиял! Редает мгла!

Интеллигенту годовщина
Переродиться помогла».

III
«Они — ударники до гроба.
Не звать бы им сердечных раи,
Да на беду его зазноба
Влюбилась вдруг в под'емный край.»

Но выполненьем промфинплана
Он реставрировал любовь.
И в Октябре под грохот крана
Она к нему явилась вновь».

Конечно, следом за заявкой
Ждать можно кнпы жалких пьес.
И с лирикой, и с «персплавкой»,
И с перестройкою и — без!

С обзором пройденных этапов
И про грядущую зарю

Долой — в подарок Октябрю —
Приспособленческих аранов!

В. Моголь.

НА ТРЕХ АППАРАТАХ

ТОВ. КАГАНОВИЧ на заводе «Электросталь» был. Зам. редактора «Рабочей Москвы» приезжал. А вот тов. Лызлов никогда не был, хотя и утверждал недавно, что завод производит электрическую сталь, которая светится ярким электрическим светом.

Впрочем, тов. Лызлов не был не только на одной «Электростали». Тов. Лызлов органически не может выехать ни на одну из фабрик в городе Ногинске: ни на «Электроуголь», единственный в Советском союзе вырабатывающий щетки для электромоторов, и ни на одну из остальных 30 фабрик района.

Кто такой Михаил Иванович Лызлов? — Ответственный редактор ногинской районной газеты «Голос рабочего».

Этот редактор упростила свою работу до фордовской системы.

Он работает согласно завоеваниям новейшей техники на трех аппаратах. Ежедневно раздаётся его «голос»:

— Алло... Это Аллочка? Обед готов? Сейчас иду.

Потом раздаётся звонок жены. Она — культ-проп райкома:

— Михаил Иванович, почему в газете нет ничего по партпросвещению?

Затем Михаил Иванович работал на третьем аппарате.

— Алло!.. Это типография? Позовите Кочевую. Кочевой! Полосы готовы?..

Полосы-то готовы, только содержание их мало утешительно. Полтора месяца в них печатались протоколы, постановления и приказы.

В статье о кузнице завода «Электросталь» фигурировали отжигательные печи, которые так же нужны кузнице, как доменная печь паровозу.

Редактор проверил отжигательные печи и нашел все в порядке.

Отжигательная печь, так отжигательная. Нехай процветает!

Завод «Электросталь» борется за шарикоподшипниковую сталь, и по этому поводу «Голос рабочего» громко крикнул один раз за полгода:

«Товарищи, мы должны овладеть! Ура! Ура! Да здравствует! Вперед!»

«Голос рабочего» не любит разговаривать о сложных процессах овладения техникой, о будничной кропотливой работе.

Не знаем, как он будет работать дальше. Пока он работает только на трех аппаратах.

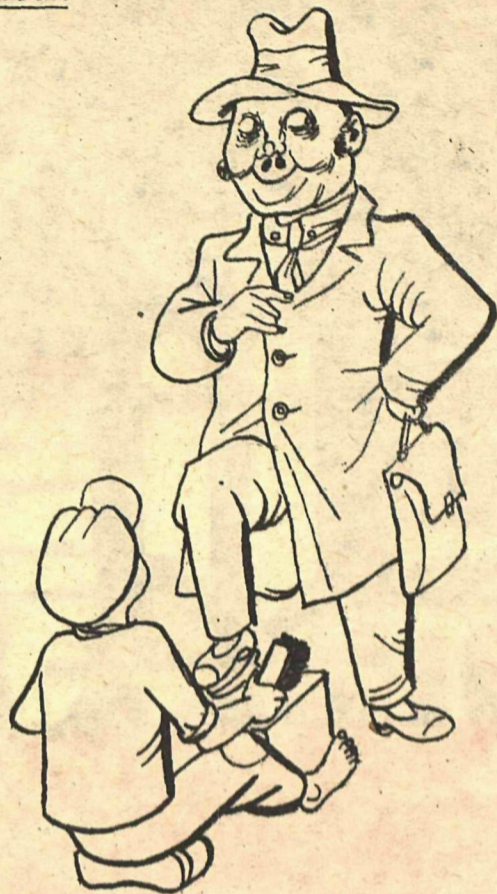
Егор Атакин.

На Шатурских торфоразработках (Моск. обл.) настолько распространена матерщина, что на техническом совещании обсуждался вопрос о выделении специального витона для матерщинников.

В. Брискин

БОРЕЦ С БЕСПРИЗОРНОСТЬЮ

А. Генч

— Ты, мальчик, сделай мне скидку, — я «друг детей!»

СЛУЧАЙ С БАБУШКОЙ

БАБУШКУ Т. Х. Бирюкову в квартире встретили с особой радостью. Дети наперебой просили рассказать им, какова там жизнь, есть ли общественные столовые, не проектируют ли метрополитен, ходят ли там в загс расписываться и как там с ширпотребом?

За бабушкой-матерью ухаживали все, не зная, куда ее посадить и что предложить. А расспросов-то, расспросов сколько было! Бабушку осматривали со всех сторон, гладили, ощупывали.

Только новая жиличка, помещившаяся в бабушкиной комнате, не принимала никакого участия в торжестве: она как-то недоуменно поглядывала на Бирюкову, терла себе переносицу, хваталась за голову, ломала руки.

— Они-то родные ей, с ними всякое может случиться, им может и почудиться, примерещиться, — рассуждала она, — но я-то своими глазами вижу: ходит она и даже очень зло на меня посматривает. Пойти и коменданту заявить, чего доброго, сегодня выселить на ночь будут.

Комендант дома по Глинцевскому переулку, 10, правдиво доказывал:

— Вам, гражданочка, беспокоиться нечего, вселились вы по закону в освобожденную комнату, жила в ней раньше гражданка Бирюкова, а теперь она померла, и надо полагать, больше не придет.

— То-есть как больше не придет? — вступилась за свои права неожиданно вошедшая Бирюкова, — мало ли, кто куда уходит и кого куда сплавляют!

— Это тоже правильно, — заметил комендант, — вы-то ушли очень надолго и всерьез, и не наше дело разбирать, как вы сумели оттуда вырваться. Опять же, справочна есть, в ней все сказано про вас, когда, отчего и куда вас спровадили. Я не знаю, чего вы протестуете. В справке ясно говорится, — разрешите зачитать:

Дана сия в том, что гр. Бирюкова Т. Х. находится на излечении в больнице с 18/III по 6/IV—32 г. и скончалась от болезни: триппозное воспаление легких. За глав. врача Курчеве, за делопроизводителя Сухотин. Больница им. д-ра Боткина, 6 апреля 1932 года, № 2.227.

— Мы вам, конечно, верим, но и справкам мы тоже должны верить. Подписывать их да еще печать прикладывать — не каждому дозволено. Всякий человек головой работает, а кто справки подписывает, — в особенности. Он все обдумает, проверит, рукой пощупает, каждое слово. В этой справке — все как полагается. Курчеве зря подписывать не будет.

А в общем и целом, бабушка, вам ничего не остается, как снова помереть!

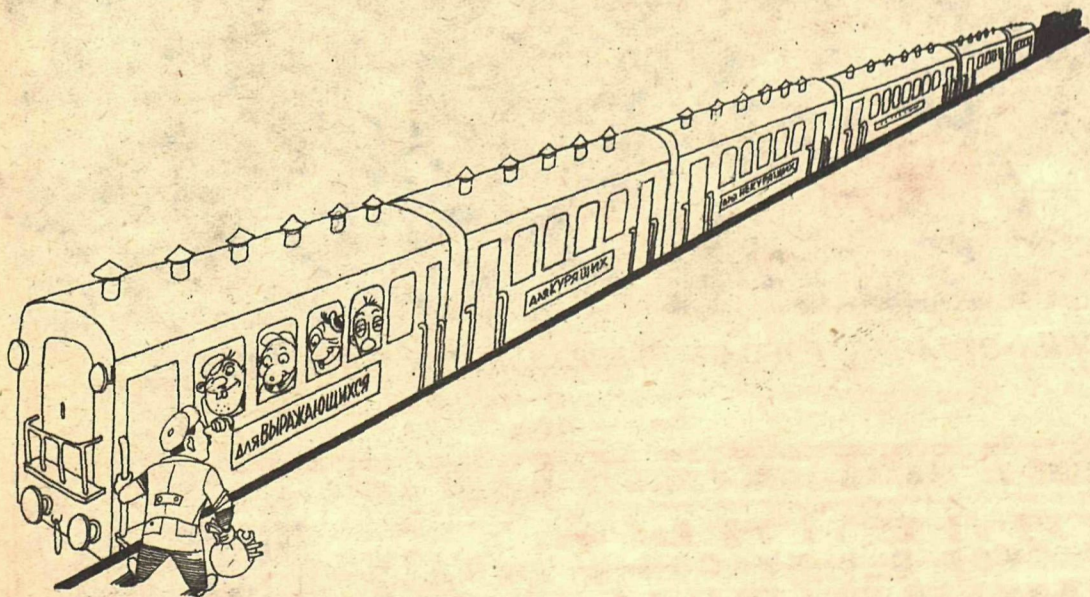
С. Дорофеев.

КТО ЕЗДИТ

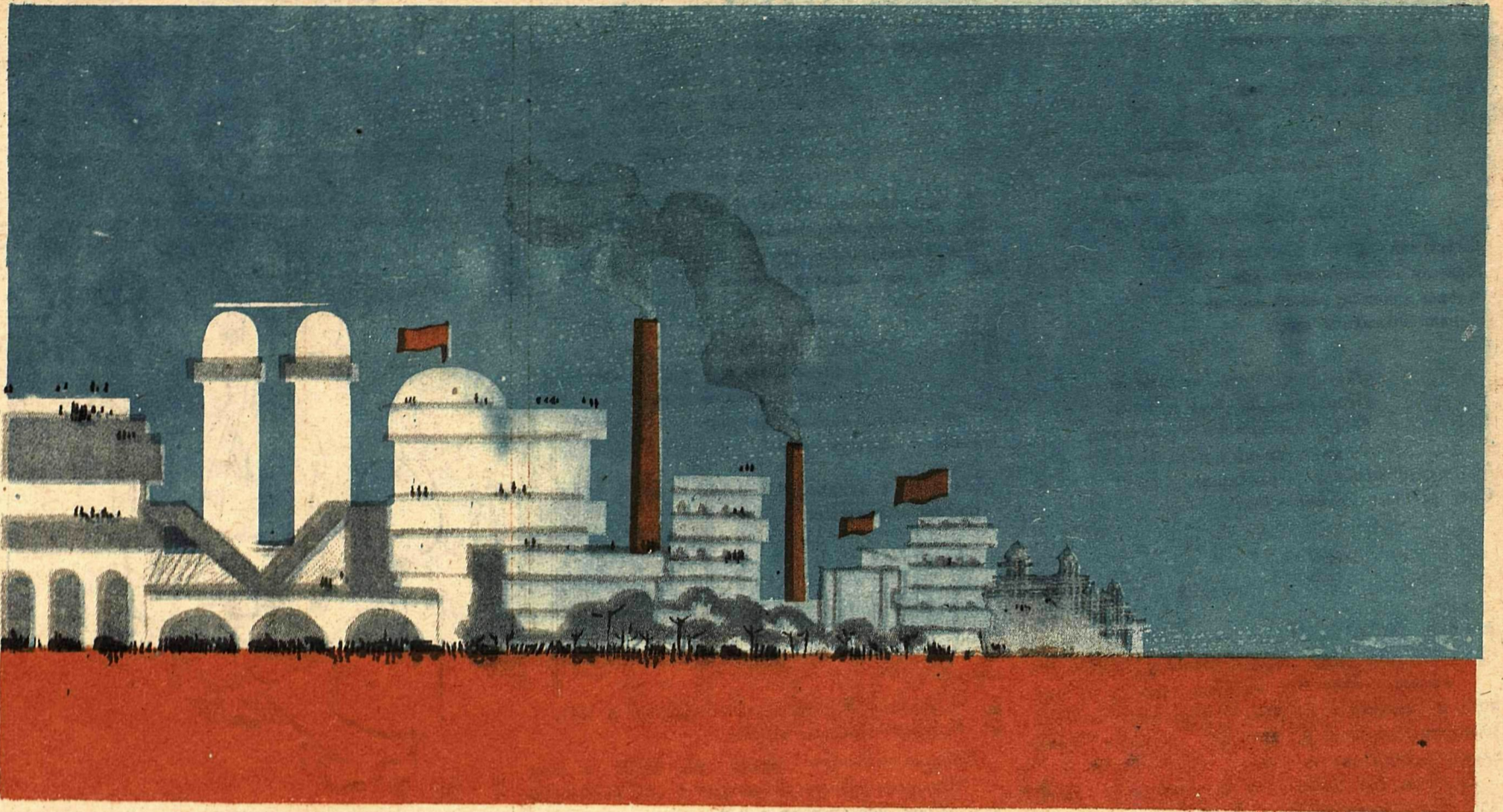
Работники треста «Водоканализация» (Нижний, Канавино) — ударники Хабаров и Голубев еще в октябре 1930 г. были премированы поездкой по СССР, но до сих пор ждут обещанной премии.

Какая несуразность в этом тресте, — а приглядишься — странная вдвойне: ударники и до сих пор сидят на месте, а премия, должно быть, ездит по стране!

Ауст.

— Куда лезешь, — ты ведь рулетку не употребляешь?
— Да вот пришлось впервые сбросить совещание за такую «культтехнику»!

В СССР ПУСТЫНИ ПРЕВРАЩАЮТСЯ В ГОРОДА...

.. А В КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ ГОРОДА ПРЕВРАЩАЮТСЯ В ПУСТЫНИ.

Хлет
КРОКОДИЛА

СЛЕДУЮЩИЙ № 15-16 „КРОКОДИЛА“
ЮБИЛЕЙНЫЙ.
НОМЕР ПЕЧАТАЕТСЯ В 8 КРАСОК И ВЫЙДЕТ
В РАЗМЕРЕ 20 СТРАНИЦ

1922-1932

БУМАГА... РЫБАМ

Сясьский бумкомбинат решил ликвидировать неграмотность среди рыб Ладожского озера.

Известно, что увеличение потребления бумаги — лучший показатель культурного роста. Очевидно поэтому:

Ежедневно в Ладожское озеро Сясьского комбината им. Сталина уходит 10—15 тонн волокна. По подсчетам технического контроля, за 11 месяцев комбинат потерял 3.300 тонн целлюлозы которая в виде волокна ушла через канализацию в Ладожское озеро. Эти потери обошлись комбинату почти в 500 тыс. рублей.

Хорошо еще, что Бумкомбинат не спускает в озеро бумагу в готовом виде, а ограничивается целлюлозой. Иначе пришлось бы представителям издательств, прикрепленным к фабрике, добывать для себя бумагу на дне Ладожского озера.

„ЧТО ЗА КОМИССИЯ, СОЗДАТЕЛЬ?“

Воронежские кооператоры провели рационализацию в пожарном порядке.

— В 24 часа! Каждый сотрудник — не менее двух рационализаторских предложений! Кто больше? Кто быстрее? Послезавтра будет уже поздно!..

Почему поздно? Что поздно? Внести рационализаторское предложение? Нет... Получить премию.

И заскрипели перья: за два дня поступило предложений больше, чем за весь год.

Комиссия по рационализации Облпотребсоюза ЦЧО первую премию в 45 руб. присудила экономисту Трипольской. Ее предложение было поистине гениальным: приобрести счета, лампочки и канцелярские принадлежности.

Тов. Глебовой досталась вторая премия в 25 руб., хотя ее предложение по простоте было не менее талантливым: кроме главного входа в Облпотребсоюз открыть черный ход со двора.

«Крокодил» тоже решил принять участие в этом немудреном конкурсе и вносит следующее рационализаторское предложение: открыть обе двери Облпотребсоюза (и парадную и черную) и предложить горе-рационализаторам выйти в любую из них.

Премия просим выслать по адресу: Москва, Тверская, 8. «Крокодилу».

ПОЧТОВЫЕ СОБАКИ

Из Наровлинского района было отправлено письмо. Через три дня это письмо вернулось обратно из Каменского городского почтового отделения с припиской на конверте:

Обратно Наровля для указания точного адреса. Писала писака, что не разберет и собака.

По последней фразе можно предполагать, что каменские почтовики держат в своем отделении собаку для трудных случаев, требующих от почтовиков элементарной грамотности.

В данном случае и собака не вывезла!

ТЯЖЕЛАЯ КАРЕТА

Ковровский райпотребсоюз в газете «Рабочий клич» (Коврово) печатает объявление:

Ковровскому Райпотребсоюзу требуется старший конюх с выполнением обязанностей завхоза и двух возчиков.

Не-ет! Один человек не вывезет карету головотяпства райпотребсоюза.

Пожалуй, один человек и трех возчиков заменит, если точно знать: кого вывезать?

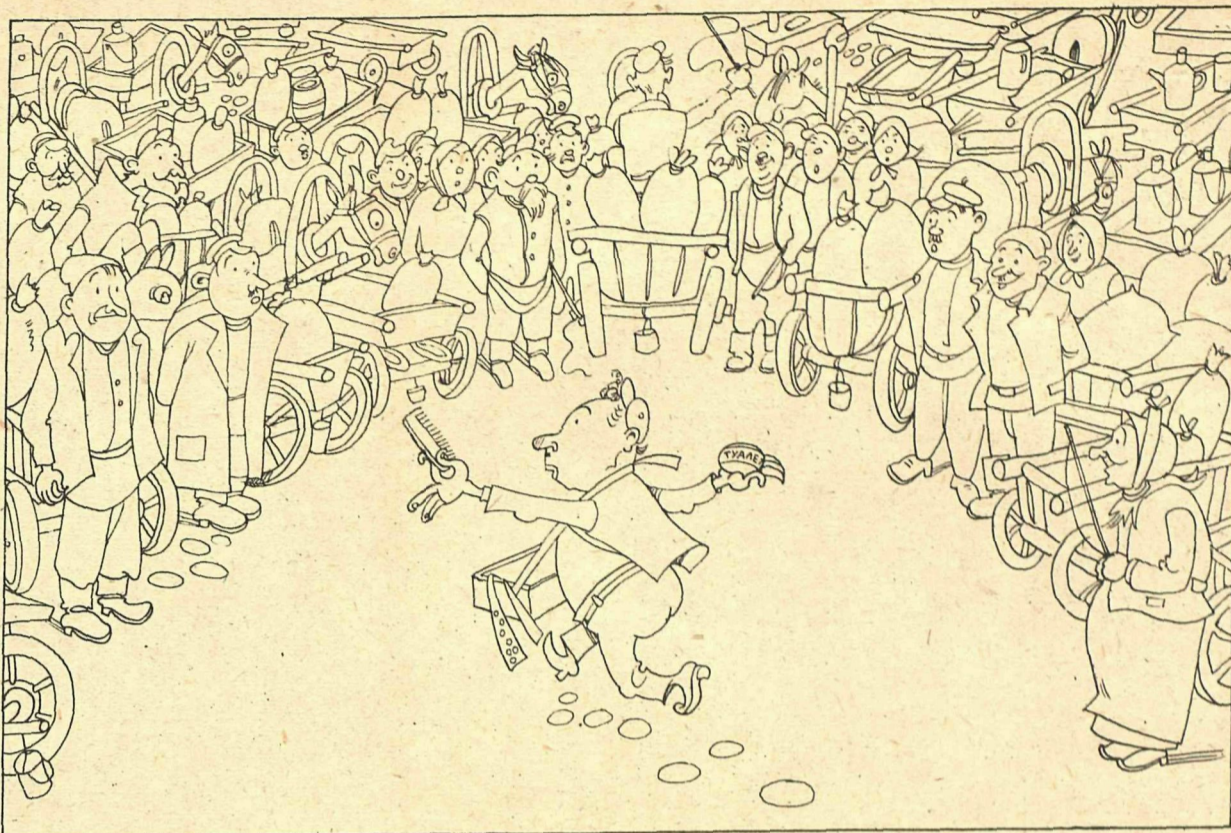
ПЕЧАЛЬНАЯ ЯЙЦЕНОСНОСТЬ

В некоторых отдаленных районах проблема яйценосности разрешается довольно игривым способом.

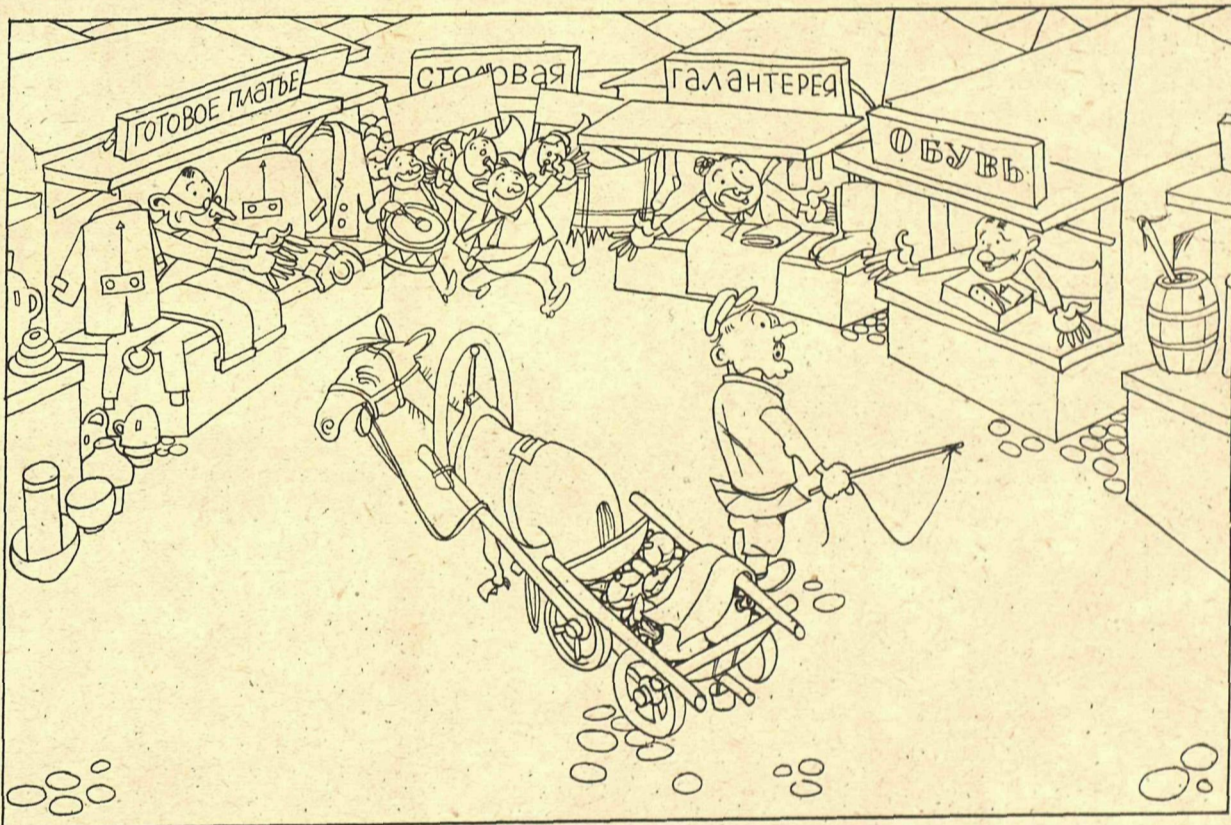
Так, в Молвитинском районе:

Во время обхода жителей попы установили «таксу»: с каждого дома один печеный хлеб и 6 яиц. Таким образом они получили 3.182 яйца.

Повидимому, райисполком считает только с тем фактом, что куры несут яйца во вверенном ему районе. А то, что население несет эти самые яйца полам, он считает частной сделкой между курами и попами, ему не подведомственными.

...НЕ ПОТОМУ ЛИ, ЧТО В ПЕРВЫЙ ДЕНЬ КОЛХОЗНОГО БАЗАРА КООПЕРАЦИЯ ВСТРЕТИЛА КОЛХОЗНИКОВ ТАК...

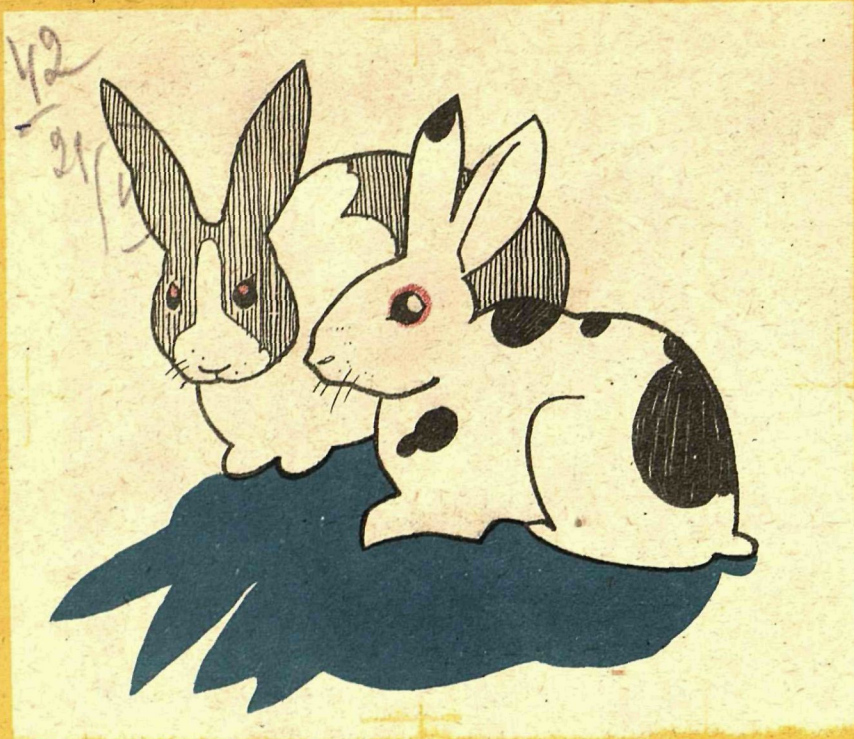
...НА ВТОРОЙ ДЕНЬ ПОЛУЧИЛОСЬ ЭТАКИ

ЭТОТ НОМЕР „КРОКОДИЛ“ ВЫХОДИТ В 4-х ИЗДАНИЯХ: ОСНОВНОЕ, МОСКОВСКОЕ, ЛЕНИНГРАДСКОЕ И УРАЛО-СИБИРСКОЕ

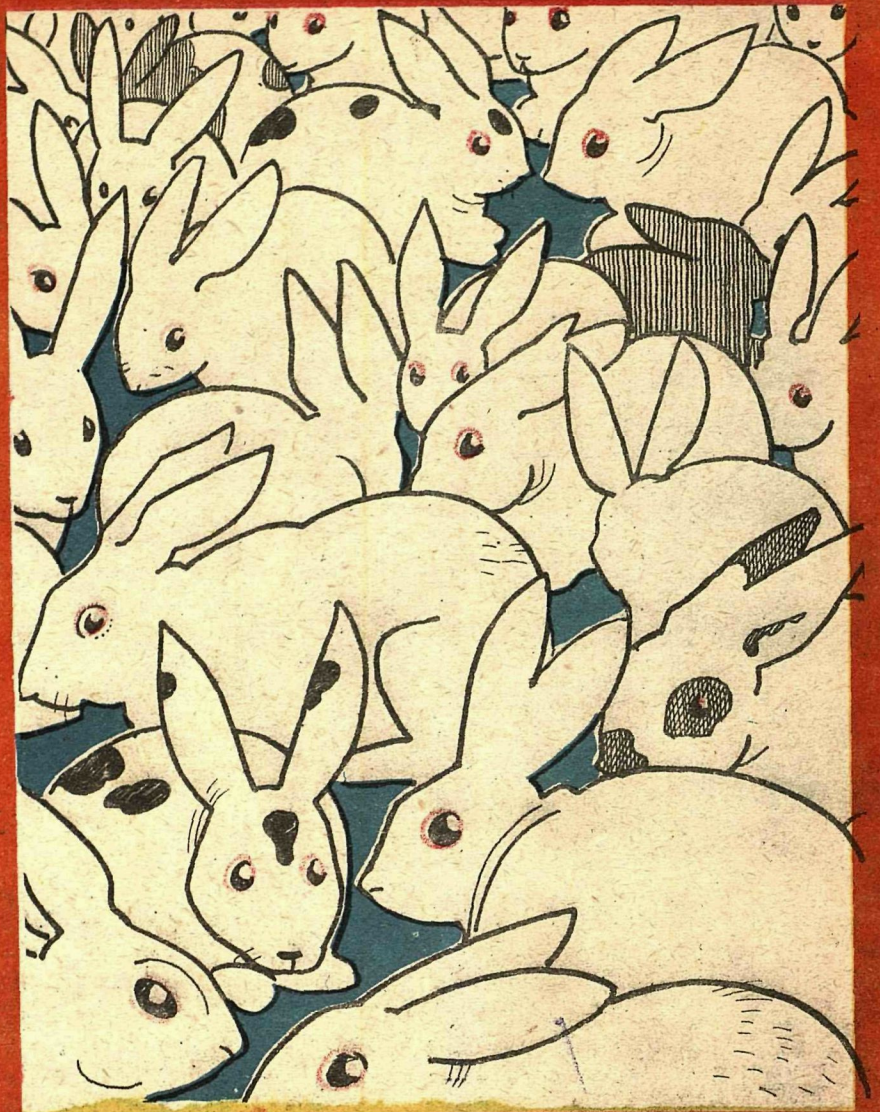
Изд-во ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“ || АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, Тверская, 8. Телефон: 3-70-16. Прием ежедневно с 1 до 5 час., кроме 6, 12, 18, 24, 30 чисел каждого месяца. Подписная цена на журн. „КРОКОДИЛ“ — 60 к. в месяц. Подписка принимается только ПОЧТОЙ.

Редакционная коллегия: Я. Вельский, С. Дорофеев, М. Мануильский, А. Митинский. Зав. редакцией: И. Абрамский. Ответственный редактор М. Мануильский. Москва. Изд. № 484. Сдача текста и рисунков — 28/IV. Подпись и печать — 8/V. Статформат АУ — 220x333. Печатных листов 2. Количество знаков 65.000. Уполномоченный Главлита № В — 19189. 2-я типогр. изд-ва ЦК ВКП(б) „Правда“, Москва, Суцеевский вал, 49. Зак. № 1198. Тираж 500.000 экз.

Ю. Ганф

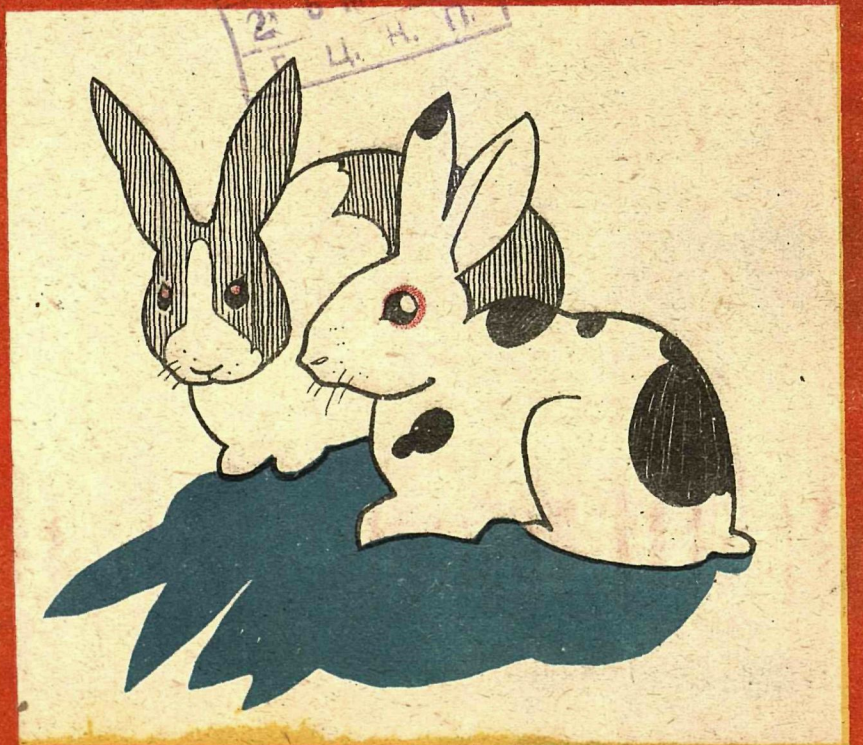
1. Два обыкновенных кролика в кратчайший срок...

3. Огромное количество обыкновенных кроликов при голо-
вотяпском хозяйствовании в кратчайший срок...

2. ...дают огромный приплод.

4.

Д Р Е Б Е З Г И

СКЭТЧ СВ. ЕКАТЕРИНЫ

Несмотря на общий кризис, количество театров малых форм в Англии заметно увеличивается:

„Викарий церкви св. Екатерины в Ноттингеме заявил, что в церкви будут ставиться короткие пьесы разнообразного содержания“.

Кто будет конферировать — викарий или сама Екатерина, — еще точно неизвестно. Скорее всего хозяйке дома придется сесть в кассу: викарии вообще народ ненадежный.

ПРАВИЛЬНЫЙ РАСЧЕТ

Каждый затрачивает средства на то, что ему больше принесет пользы:

„По бюджету в Пруссии на полицейскую собаку расходуются 52 марки в месяцу.“

На помощь детям до шести лет с 1 апреля ассигнуется 12 марок на ребенка в месяцу“.

Чего же тут удивляться? Когда дети подрастут, они, наверняка, будут голосовать против прусского бюджета, а полицейские собаки, наверняка, его поддержат.

ПРИРОДА — И ТА...

„Газета польска“ умиленно рассказывает о подробностях дачного времяпровождения маршала Пилсудского:

„Любимым его местом является юго-западная веранда, на которой всегда можно выбрать уголок, где не мешают ни ветер ни солнце“.

Чему не мешают ни ветер ни солнце? Переговорам относительно заключения секретных военных договоров? То-то. А то эти планеты давно были бы арестованы!

ЛИШНЕЕ

Бывший романист, а ныне певец фашизма Габриэль Д'Аннунцио

...надавно продал с аукциона зуб за три тысячи лир“.

Пусть быстро распродаст и остальные зубы даже по более дешевой расценке. При фашизме беззубому писателю куда легче прокормиться.

„РЫЖИЙ“ В СУТАНЕ

Парижский епископ Кампа произнес на днях историческую фразу:

„Следует приветствовать кризис, ибо он образует меду удовольствия“.

По этой системе человеку, только что бросившемуся с моста в воду, следует сказать единственное напутствие: — Молодец! Сколько теперь на трамвае сэкономи!